

Дворников Эдуард Павлович

**СЕМАНТИКА ПОГРЕБАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ГОРНОГО АЛТАЯ
(АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ)**

В статье рассмотрена семантика погребальной традиции "бийкенцев" и "пазырыкцев". Приведены широкие археолого-этнографические параллели из сибирских культур, традиции которых связаны с погребением в земле. Цель работы заключается в анализе сакральных элементов оформления погребального церемониала. Ранее в литературе погребальный обряд археологического периода освещался преимущественно вещеведческой археологией. Отмечается, что главными задачами на этом этапе являются перевод умершего из профанного в сакральное пространство и обеспечение дальнейшего пути.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/4-2/10.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (42): в 2-х ч. Ч. II. С. 44-46. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

AGGRESSOR AND VICTIM: ANTI-HUMANISTIC SOCIAL ROLES

Grigoryan Tatevik Vartanovna
Transbaikalian State University
tatevick.1@yandex.ru

The article tells that aggressor and victim are two anti-humanistic social roles affecting healthy social relations destructively. It's stated that a number of modern scientists emphasize the factors, processes and methods, which aggressor and victim use in their life as well as the traits of character, behavior style peculiar to them. Main attention is drawn to the general (for example, anxiety) and specific traits of character peculiar to aggressor and victim. The conclusion is made upon the necessity of the humanization of person and social institutes.

Key words and phrases: aggressor; victim; human; relations; humanism.

УДК 903

Исторические науки и археология

В статье рассмотрена семантика погребальной традиции «бийкенцев» и «пазырыкцев». Приведены широкие археолого-этнографические параллели из сибирских культур, традиции которых связаны с погребением в земле. Цель работы заключается в анализе сакральных элементов оформления погребальной церемонии. Ранее в литературе погребальный обряд археологического периода освещался преимущественно вещеведческой археологией. Отмечается, что главными задачами на этом этапе являются перевод умершего из профанного в сакральное пространство и обеспечение дальнейшего пути.

Ключевые слова и фразы: погребальная церемония; семантика; ингумация; «бийкенцы»; «пазырыкцы»; Горный Алтай.

Дворников Эдуард Павлович, к.и.н., доцент
Горно-Алтайский государственный университет
dvornikover@yandex.ru

**СЕМАНТИКА ПОГРЕБАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ГОРНОГО АЛТАЯ
(АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ)[©]**

В представленных материалах речь идёт только о традиции ингумированного погребения в земле. Кремация в скифской традиции до сих пор не выявлена. Остатки наземных и воздушных погребений археологически зафиксировать невозможно, что совсем не исключает этих вариантов, отмечаемых в сибирской этнографии для служителей культов и детей.

Проведение погребальной церемонии непосредственно на этапе отправления в дальний путь происходило публично. Очевидно, что в обязательном порядке на погребальном действии присутствовали представители родственных родов и племён и подчинённых народов. Масовость мероприятия зависела, прежде всего, от социального статуса погребаемого. По сообщениям Геродота, похороны скифского царя отличались широким общественным характером, на них собиралась масса народу, не считая близких родственников и знакомых покойника. Подтверждением масовости мероприятия может служить мнение В. Д. Кубарева о каменных столбах – балбалах как о коновязных столбах, количество которых на некрополе могло быть значительным [4, с. 80].

До погребения в течение сорока дней труп царя возили по всей Скифии из области в область и всюду его оплакивали, выражая скорбь наглядным образом. Каждый скиф обрезал себе кончик уха, остригал волосы, делал надрезы на руках, царапал лоб и нос. Этнографическая традиция трактует демонстрацию неумеренной скорби, часто поддельной, созданием ситуации неузнаваемости участников церемонии для покойника, что лишало его возможности как то повлиять на живых.

Семантически захоронения в земле имели две главные цели: помочь душе-тени (тёмной душе) быстро и благополучно достичь Нижнего мира и исключить возможность возвращения этой опасной (для живых) души в средний мир [3, с. 218]. Тело человека, погребение лошади, инвентарь в могильном пространстве меняли свою сущность. Им предстоял особый путь, который зависел от божественных существ, умерших ранее предков и правильных обрядов родственников. Менялось и значение помещённых предметов в сакральное пространство. Обычное блюдо с крестцом барана превращалось в жертвенник [2].

Умерших доставляли к месту погребения на специальном транспорте, предназначенном для этих целей. Детали колесницы, зафиксированные в Пазырыке V и Башадаре, – тому подтверждение [8]. По этнографическим сведениям тундровые и таёжные оленеводы на могиле оставляли повреждённые нарты и убитых ездовых оленей. Алтайцы, буряты убивали на могиле ездовую лошадь [3, с. 208]. По материалам погребений

«бийкенцев» и «пазырыкцев» транспортные животные умерщвлялись непосредственно около могилы ударом клевца (чекана) в височную область. По мерзлотным погребениям установлено, что коню на морду помещали специальную маску, в которой он принимал вид оленя. Подобное облачение было необходимым условием действия коня-оленя как психопомпного существа, призванного доставить душу-тень в иной мир и обеспечить возрождение, поскольку солнце, согласно традиции, воспринималось как олень с ветвистыми рогами.

Использование погребальных колесниц как элемента канона погребального обряда не во всех случаях было возможно, поскольку на территорию некоторых некрополей сейчас возможно попасть по узкой горной тропе, где использование колесницы исключено. В данном случае умершего, вероятно, доставляли верхом на лошади, хотя этот способ не отмечен в источниках.

Известен обычай в этнографии чулымцев, когда колоду с умершим до кладбища несли четыре человека на длинном шесте [5, с. 437] при помощи петель из веревок. Аналогии отмечены на гробе-колоде из кургана 2 могильника Ташанта I, где зафиксированы некие отверстия, вероятно для переноски колоды именно таким способом. За колодой несут посуду с огнём и дымом. Подойдя к могильной яме, окуривают её (колоду перед помещением покойного тоже окуривали), очищая тем самым вместилище. Умершего «бийкенцы» помещали в погребальную камеру в каменном ящике, «пазырыкцы» устанавливали в погребальной камере каменный ящик или сруб, чаще всего из 3 венцов (количество венцов нечётное, четное только для живых). Данный принцип хорошо подтверждается нашими экспедиционными наблюдениями. В срубе устанавливали массивное погребальное ложе или гроб-колоду. Умерших укладывали головой, ориентируя на точку восхода солнца [1]. Исследователи, вслед за В. В. и В. Ф. Генингами, развивают идею о времени захоронения, исходя из нескольких логических допущений: умерших погребали по восходу солнца, самая высокая смертность была весной и зимой. «Пазырыкцы» ориентировали умерших головой обычно в восточный географический сектор. Посчитано, что большая часть захоронений приходилась на весну и раннюю зиму, летом и осенью хоронили значительно реже [10, с. 137]. Действительно, в зимний период подготовить погребальную камеру необходимого размера деревянными лопатами невозможно. Следов целенаправленного прокалывания почвы для подготовки ям не фиксируется, поскольку фрагменты подобных способов подтверждались бы остатками мощных зольников на профилях погребальных камер. Зимнее время значительно затрудняло и доставку к месту погребения строительного материала – брёвна (их требовалось до нескольких сотен в элитных курганах), рваный камень, плитняк, валуны которые достигали солидной массы в сотни килограммов. Камень в летнее время к месту возведения кургана доставляли, вероятно, способом волочения конём на бычьей шкуре ворсом вниз, что отмечено нами при наблюдении за строительством кошар чабанами.

Следы угольков, фиксируемые на разных уровнях погребального сооружения, свидетельствуют об активном применении огня в погребальном действе. Существовал особый огневой культ. В этнографии сибирских народов нет однозначной трактовки роли огня в погребальной практике. С одной стороны, считалось, что огонь был необходим покойникам. В погребальной обрядности манси встречается такой элемент, когда пришедшие на похороны родственники оставляют одно полено, чтобы душа-тень во время пути в иной мир могла погреться. С другой стороны, покойники будто бы боялись огня. Участники похорон, возвращаясь с кладбища, должны были перешагнуть через костер, разведённый на пороге жилища [3, с. 220]. Практически у всех народов имелось общее отношение к огню как очистительному и охранительному элементу погребальной церемонии. Он очищал пространство. Существовал обычай «кормления» огня. Инвентарные комплексы в той или иной степени получали обработку огнём. Сжигаемые вещи, по представлениям древних, гарантировано попадали к их владельцу.

Существовал особый набор предметов, иногда специально изготовленных для погребальной церемонии. Некоторые экземпляры имели следы починки или вовсе не могли выполнять тех функций, которые традиционно присущи этому предмету. Исходя из восприятия иного мира как зеркальной противоположности мира живых, предметы, утратившие свою функциональность, за пределами нашего мира могли функционировать в полной мере. Основная масса инвентаря и ритуальная пища должны были обеспечить всем необходимым душу-тень в дороге, очень опасной и длительной. Судя по этнографическим данным, существовало несколько способов отправки вещей за пределы Среднего мира: ломка (сосуда, ножа, стрелы); придание вещи неестественного положения (перевёртывание сосуда вверх дном); зарывание вещи в землю, втыкание ножа в землю; сжигание; помещение на высоте [7].

Куда же по представлениям древних отправлялась душа-тень? Довольно часто отмечается традиция направления в страну мертвых относительно направления течения реки. В этнографии сибирских народов существовал обычай отправлять умершего в лодке по течению реки, иногда сама река являлась в представлении своеобразной границей миров. Вероятно, что крылатое античное выражение «перейти Рубикон» может содержать, наряду с общеизвестным, иное мировоззренческое толкование. У таежного охотничье-рыболовецкого населения Западной Сибири душа-тень, как правило, транспортировалась в страну мертвых на лодке. Обычай захоронения в лодке был особенно распространен у хантов и селькупов [6]. По представлениям сибирских народов, мир мёртвых не обязательно находился в Нижнем мире. Он мог быть на земле, под землёй и на небе. Мир мертвых на земле располагался недалеко от поселка и позиционировался, как правило, в низовьях реки [9, с. 27]. Следует отметить, что в пазырыкском погребальном обряде гроб-колоду надлежит трактовать как один из вариантов лодки.

Ненцы полагают, что подземный мир находится в стороне от обычных кочевий, и его обитатели там живут так же, но только ночью. Верхний мир воспринимался как место обитания душ, но не взрослых, а детей. Жизнь в мире мёртвых безрадостная. Там слабый свет от луны, много леса и воды, дичи мало. Путешествие в мир мёртвых тяжело и очень опасно. Душа-тень должна была взбираться на высокие горы, преодолевать огненные реки.

В заключение отметим, что погребальный этап – самый важнейший, как для умершего, так и для его со-родичей, поскольку здесь происходил перевод покойного из профанного пространства в сакральное, и обеспечивалось дальнейшее его путешествие в мир мёртвых. Восстанавливался космический порядок, столь необходимый для благополучного существования.

Список литературы

1. Быков Н. И., Тишкин А. А. О роли фактора сезонности при ориентации погребённых людей в курганах пазырыкской культуры // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2006. Вып. 2. С. 54-59.
2. Дворников Э. П. К вопросу об эволюции поминальной обрядности древних и средневековых кочевников Горного Алтая // Горный Алтай: исторический сб. Горно-Алтайск – Бийск, 2005. Вып. 9. С. 50-52.
3. Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984. 241 с.
4. Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 188 с.
5. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1994. Т. 2. 475 с.
6. Пелих Г. И. Досамодийский тип жилища нарымских селькупов // Ученые записки ТГУ. Томск, 1966. № 60. С. 94-107.
7. Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. 423 с.
8. Руденко С. И. Горно-алтайские находки и скифы. М. – Л., 1952. 268 с.
9. Семёнова В. И. Мировоззренческие истоки погребальной обрядности в культуре народов Западной Сибири в эпоху Средневековья: автореф. дисс. ... докт. культурологии. Томск, 2006. 47 с.
10. Тишкин А. А., Дашковский П. К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 430 с.

**SEMANTICS OF FUNERAL TRADITION OF EARLY NOMAD TRIBES IN GORNY ALTAI
(ARCHAEOLOGICAL-ETHNOGRAPHICAL PARALLELS)**

Dvornikov Eduard Pavlovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Gorno-Altai State University
dvornikovep@yandex.ru

The article considers the semantics of the funeral tradition of “biikentsy” and “pazyryktsy”. Extensive archaeological-ethnographical parallels are drawn from the Siberian cultures, traditions of which are related to the burial under the ground. The objective of the work is to analyze the sacral elements of the arrangement of funeral ceremonial. Previously in literature the obsequies of the archaeological period were covered mostly by material archeology. It's stated that the main objectives of that stage are the transition of a dead person from secular to sacral space and securing the following path.

Key words and phrases: obsequies; semantics; inhumation; “biikentsy”; “pazyryktsy”; Gorny Altai.

УДК 124.5

Философские науки

В статье рассматривается вопрос об антропологических предпосылках бизнеса, оказывающих на него формирующее воздействие. В этой связи внимание обращается на изучение следующих вопросов: человек как производитель и потребитель; человек как собственник; исследование практической направленности человеческой деятельности. Авторы обосновывают положение о том, что в человеке коренится один из источников саморазвития бизнеса, что через развитие человека лежит путь к совершенствованию бизнеса, деловой сферы общества.

Ключевые слова и фразы: антропологические предпосылки; предпринимательство; бизнес; мир деловой активности; производитель; потребитель; собственник.

Ермаков Сергей Анатольевич, д. филос. н., профессор

Романов Евгений Александрович

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
ermacow1958@mail.ru; r152nn@gmail.com

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ БИЗНЕСА ©

Мир деловой активности человека начинает играть все более весомую роль в жизни социума. На наш взгляд, «именно развитие предпринимательства может стать тем фактором, который будет содействовать поступательному развитию не только экономической, но и социальной сферы» [5, с. 83]. В этой связи представляется необходимым подробнее остановиться на тех предпосылках, которые определяют развитие бизнеса. И, прежде всего, следует коснуться антропологических аспектов возникновения и совершенствования деловой жизни. Это обусловлено рядом моментов.